

Полиция пришла утром. Причём не просто полиция, а Королевская Конная полиция – что-то вроде канадской ФБР. Не на конях, правда, прискакали, а на машине приехали. Евдокия, которая только проснулась и ещё ходила по дому в накинута на ночнушку халате, непричёсанная и ненакрашенная, была смущена. Настолько, что даже не испугалась. «И не прибрано», – с отчаяньем подумала, по русскому обычаю пригласив вот этих, которые сунули свои удостоверения ей в глаза, в дом.

Это были мужчина и женщина. Они вошли, беспокойно озираясь, как будто это была штаб-квартира Кремля и из-за угла на них могли наброситься псковские десантники или медведи в ушанках со звездой.

– Кто ещё в доме? – спросила женщина.

– Трое детей, собака и кошка. Их позвать? – простодушно спросила Евдокия, думая в этот момент о другом: на столе у неё лежала куча фотографий с форума эмигрантов в Москве. Кто знает, как «пришельцы» это воспримут? Она там с Лавровым на одном фото. Притулилась к нему, и улыбка до ушей.

Мысли метались. Ведь если по-человечески рассуждать: ну и что, что с Лавровым? Посещать форумы эмигрантов в Канаде не запрещается. Свобода передвижения, и всё такое прочее... Если туда пришла знаменитость, отчего с ней не сфотографироваться? Но это по нашей логике, а кто знает, какая логика у Канадской Конной?

Гости попросили запереть собаку в туалете, уселись на диван и задали первый вопрос:

– Расскажите нам, пожалуйста, про форум в Москве. Какие у него были цели, кто приехал туда, что вы там делали?

Евдокия читала, что в некоторых тюрьмах мира демократические их организаторы допрашивают арестантов голыми. Такая форма воздействия. Голый человек не настроен к сопротивлению. Он всё время испытывает стыд и думает только о том, как ему прикрыть срамные места. К тому же как-то глупо быть голым партизаном или голым героем. Смешно как-то. Вот и Евдокия, в ночнушке, с растрепавшимися за ночь волосами, с помятым лицом сорокалетней женщины, чувствовала себя как голый арестант. Запах дорогих духов от полицейской-женщины только усугублял комплексы. Потому Дуся сконфуженно ответила:

– Да ничего особо не делали. Катались на катере по Москве-реке, пили шампанское, ели блины с икрой. В России, знаете ли, такое гостеприимство...

– Цели форума...

– Россия готовится к выборам. Собрали руководителей эмигрантских общественных организаций, чтобы те оповестили народ о выборах и подтолкнули граждан России, проживающих за рубежом, к участию.

Евдокия не могла понять интереса к этому событию. Россия с недавних пор стала пытаться объединить соотечественников за рубежом. Тратила на это большие деньги. Но получалось не ахти. Потому что приглашали кого попало. Эмигрантов, от которых ничего не зависело. Нет бы приглашать руководителей, хорошо настроенных к России СМИ – те бы потом могли хоть к чему-то призвать эмигрантов или пиарить русскую культуру в своих газетах и программах. Или бы московские чиновники выяснили, кто действительно является активистом в русских общинах, кто проводит парады Бессмертного полка, ведёт за собой массы. Нет, приглашают чьих-то родственников, знакомых, которые пьют, едят задарма, живут в роскошных гостиницах на российские деньги, а потом возвращаются за границу, и никакого выхлопа от них нет. Так это ещё хорошо, если нет выхлопа. А то Дуся как-то слышала за спиной от двух делегатов-эмигрантов, как они переговаривались меж собой: «И когда они уже Путина скинут?» Имелось в виду, россияне.

Потом эти два товарища сняли телепередачу по итогам форума. Показали её по ТВ в своей жаркой стране. Один из них, пожилой и морщинистый как шарпей, сидел в расстёгнутой чуть ли не до пупа рубахе, из которой торчали седыми пучками длинные кудрявые волосы, и, важно роняя слова, критиковал российских журналистов за плохой русский язык. Дескать, очень его поразило в России, какие непрофессиональные там журналисты. При этом он постоянно употреблял лагерные слова – «нагнули», «прогнулся», «подставился».

Но не говорить же Канадской Конной, что все эти мероприятия, при том что цели у них мирные и чуждые, превращаются в пиры для эмигрантов за счёт российских налогоплательщиков. Евдокия была не из тех, кто критикует Родину перед иностранцами.

– Какие суммы ваша организация переводит в Россию и для чего? – было следующим вопросом.

Дуся поразились. Никаких денег возглавляемая ею организация «Союз русских эмигрантов Канады» в Россию не переводила. И не получала оттуда ничего. Всевозможные российские фонды только обещали деньги, но ничего не давали. Так что у них в «Союзе» все работало на голом энтузиазме.

А что делали? Проводили митинги за Донбасс и против того, чтобы Канада давала Украине, воюющей против собственного народа, деньги. Писали письма на английском языке канадским депутатам в разгар боевых действий на Донбассе, рассказывая, как на самом деле там обстоят дела, и призывая повлиять на власть, чтобы она не поддерживала режим Порошенко. Писали комментарии к статьям в канадских англоязычных газетах, просвещая канадцев на ту же тему. Собирали деньги и вещи для детдомов и больниц Донбасса. Для ополченцев не собирали, так как хоть они и не признаны официально Канадой террористами, но всё же в «органах» могут счесть, что русские эмигранты спонсируют «незаконные вооружённые формирования». Потому деньги посылали исключительно в больницы Донецка и Луганска. А что там купит на них главврач – инсулин или берцы, эмигранты за то не в ответе.

Хотя украинская община в это время в открытую собирала деньги на АТО. Но то украинская – любимая канадским правительством за свою избирательскую многочисленность. Она имеет влияние на выборы в стране, так как украинцев тех больше мильона, а русских, наверное, полмиллиона, и на них пока канадские политики на выборах не оглядываются. Но не только многочисленность украинцев имеет значение. За век жизни в Канаде они проникли во все структуры – армию, правительство, банки. И шуруют там на своё благо. Даже заместитель премьер-министра страны украинка. Внучка редактора нацистской газеты.

Полицейские сидели и вопросительно смотрели на Дусю. И её взяла злость. В Канаде вообще-то не принято приходить без уведомления. К ним самим, когда они не умывались ещё, никто не вваливается. В стране действует Украинский конгресс, Еврейский конгресс и ещё целая куча этнических организаций, и что, ко всем сегодня пришли узнать, кто, куда и зачем ездил?

– А знаете, что? Давайте мы поступим иначе, – предложила Дуся. – Вы пришлёте мне официальное приглашение на допрос, предоставите социального адвоката, а также переводчика, а я приду к вам на допрос со своим адвокатом.

– Но почему? Почему вы не хотите отвечать у вас дома? – заговорили враз оба посетителя. – И зачем вам переводчик? Вы прекрасно говорите по-английски.

– Мой дом не предназначен для допросов, – пояснила Евдокия. – А переводчик мне нужен для того, чтобы у нас с вами не вышло недопонимания. У нас настолько разная ментальность, что я говорю одно, а вы можете понять совершенно иначе...

Она подошла к двери и приоткрыла её, сделав приглашающий выйти жест.

– Хорошо, – ответили. – Мы пришлём официальное приглашение.

Дуся проследила через жалюзи, что они уехали, и вдруг её стало трясти. Испуг пришёл только сейчас. У неё трое детей, она с таким трудом получила в начале девяностых вид на жительство, они столько пережили всей семьёй в период адаптации, и вот нате. Она – враг народа. Или как ещё понимать этот визит? И ведь написала какая-то паскуда донос...

Доносы в общине начали писать в 2014–2015 годах. Дуся знала, кто, это было очевидно. Потому что до того, как писать, они звонили. Звонили в банковский офис, в котором она работала. Говорили, что финансовый консультант Евдокия Апухтина привечает у себя террористов. Прямо в офисе банка. Поит их чаем и куёт вместе с ними планы по убийству лидеров Северной Америки и устройству терактов на территории континента. Менеджер банка, господин Рэнстон, был в совершеннейшем обалдении от новости. Он, конечно, не поверил и посмеялся вместе с Дусей над этим звонком. Но ей было не смешно. В офис звонила журналистка, которую она лично знала. (Ну, как журналистка? Не настоящая, конечно, а – как многие в эмиграции – вдруг поверившая в свой литературный дар тётя-мотя. До эмиграции она отплясывала канкан в вальсе Москвы, а теперь мучила радиослушателей грубым голосом и ещё более грубой манерой поведения. «Журналистка» была ярая замайданница и русофобка.)

Дуся была знакома с этой дамочкой. Конечно, дружеских отношений у неё, любящей Россию каждым своим нервным корешком, с такими людьми быть не могло. Но они здоровались при встрече и ни в каких баталиях не сталкивались. Было, что дамочка брала у Евдокии интервью по поводу организованного «Союзом русских эмигрантов Канады» Русского Бала. И вполне хорошо поговорили...

Дуся была поражена тогда, как много пошло доносов на русских активистов. В интернете размещались воззвания на русском и английском языках: «Обращаем внимание канадских правоохранительных органов на русские организации, которые стремятся подорвать благополучие нашего демократического государства. Агенты влияния... рука Кремля... несопоставимо с нашими канадскими ценностями... требуем немедленной депортации... А руководит всем этим...»

Подписей под доносами, разумеется, не было. Ставили что-то типа «Лига противодействия тоталитаризму в России». Тут же, в этих доносах, руководители русских организаций и наиболее видные их активисты обвинялись в национализме, шовинизме, антисемитизме и прочих «измах».

Но и евреям-«ватникам» тоже доставалось. Про Исаака Лернера, прошедшего несколько демонстраций против киевского режима, писали: «И он, будучи евреем, в Пурим плясал кадрили под лестницей российского посольства!»

Дуся не смогла сдержать смеха, когда прочитала это. Под лестницей в российском посольстве – туалеты. Было бы странно, если бы Лернер, проживающий в Торонто, приехал в Оттаву в Пурим, чтобы сплясать перед туалетами в российском посольстве. Но писаки-руссофобы не гнушались ничем, потому что их целью не была правда. Целью было – подорвать репутацию активистов русской общины любым путём, отомстить «вате» со всех сторон. Если ты русский, пусть тебя сторонятся как шовиниста, если еврей, пусть от тебя бегут собратья как от отступника. Если ты финансовый консультант, пусть тебя вышвырнут из банка, а коли ты владелец магазина – оповестим о твоих выдуманных грехах как можно больше покупателей.

Дуся сходила наверх, на второй этаж, и с чувством удовлетворения убедилась, что дети спали. Каникулы. Сын и две дочери были подростками, заканчивали школу. Евдокия посмотрела на них, спящих, и подумала, что своей общественной деятельностью, возможно, вредит им. Кто знает, может быть, то, что их мать так любит Россию, снимается с Лавровым и размещает в соцсетях положительные посты о Путине, не даст детям занять государственные должности в Канаде или негласно лишит их права «быть избранными»? Никто из детей в канадские депутаты не стремился, но если вдруг начнёт стремиться, вероятно, «органы» вспомнят их мамашу – пионерку-партизанку.

Однажды Дуся сходила на собрание «Любителей истории СССР». Как ни странно, есть в Канаде такое общество. Сходила из любопытства, прихватив с собой мужа Анатолия. Толик в то время работал компьютерщиком в крупном канадском издательстве и был на хорошем счету. Ему обещали повышение. А вскоре после Дусинога с супругом похода к любителям истории СССР, среди которых были какие-то нищие чернокожие старушки и полоумные белые троцкисты в чёрных фуражках а-ля Лейба Бронштейн, Анатолия уволили. Как принято в Канаде – без объявления войны. Подошли, попросили собрать манатки, проследили, чтобы собрал, и вывели чуть ли не под руки.

Конечно, может быть, эти события и не связаны меж собой... Но вспомнилось вдруг Дусе, что руководитель «Любителей истории», правнук революционерки-садистки, седой старикан, провожая её, тихо сказал по-английски: «Евдокия, не будь хорошей, будь осторожной».

По-русски он не говорил, а только по-английски и почему-то по-румынски.

Дуся всегда нравилась старикам, потому что и они ей нравились. Апухтина выросла на Кавказе и впитала с молоком матери уважение к старости. Где бы она ни была, первым делом заботилась о стариках. На Русских Балах рассаживала их, а не политиков и спонсоров, на лучшие места. В первую очередь еда подавалась им. И она видела, как лучились глаза пенсионеров, на неё обращённые. Вот и этот увидел в ней искреннее к нему внимание и уважение (в конце концов, правнуки за прабабок не отвечают) и счёл нужным предупредить.

...Евдокия налила себе чай с жасмином – полюбила его, ещё когда работала официанткой в китайском ресторане, сразу после приезда в Канаду, и закурилась.

Полиция приходила уже ко всем активистам её организации. А спрашивается, почему? Нет, конечно, имеют право. Наверное, вот этим тотальным контролем и достигается безопасность государства, но ведь русские не делали ничего противоправного. Митинги проводили только с разрешения мэрии. Ходили мирно, никого не трогая. Слова на транспарантах были выверены по букве закона. Никаких призывов к экстремизму, исключительно просьбы и пацифистские лозунги: «Русская Канада против фашизма на Украине!», «Нет войне! Донбасс, мы с тобой», «Одесса, скорее гони Бандеру в шею!», «Канадские налогоплательщики против траты денег на войну на Украине!».

Однажды какой-то проходящий мимо канадский студент спросил: «Вы русские? Вы ненавидите украинцев?», и как же все к нему бросились уверять, что нет, мы, дескать, любим украинцев (при этом многие били себя в грудь и кричали: «Я сам из Киева», «а я из Харькова»), мы просто против фашизма и войны, а также против поддержки переворотов в других государствах. Доказывали, что Канада портит свой имидж миролюбивой страны, что в ней самой проблем масса, так не лучше ли ими заняться, чем бегать по планете с демократизатором?

– Мы любим Украину и украинцев, – божились русские эмигранты, и Дуся знала, что они не лгут.

Вся ненависть «ваты» к украинцам – бутафорская декорация. Как потёмкинские деревни. Она прикрывает собой поруганную любовь. Потому что русские всегда любили украинцев, и любят, и не перестанут любить. Можно обижаться на брата, можно поражаться его ослеплённой подлости, его неожиданной жестокости, но разлюбить того, кого ты купал в тазике, когда он был мал, невозможно. Он заносит меч над тобой, а ты видишь родные глаза, родные руки, и всё ваше общее чумазое, но счастливое детство проносится перед глазами. Ты отталкиваешь его, ты перехватываешь меч, ты вяжешь его, то ли пьяного, то ли одержимого, ты вызываешь бригаду психиатров, но, боже, как болит душа!.. Как болит душа и как горячи слёзы обиды, как хочется, чтобы всё прошло словно дурной сон...

Но сон не проходит, и ты кричишь: «Будь ты проклят... Ты всех нас предал... Ну что, сынку, помогли тебе твои ляхи?», а он, как Кай из сказки про Снежную королеву, не слышит тебя и не видит. Попавший в его глаз осколок кривого зеркала исказил твой образ. Ты говоришь «люблю», он слышит «ненавижу», ты пытаешься обнять, а он видит, как ты достаёшь из кармана заточку.

А всё тролли со своим зеркалом, будь они неладны...

И в Дусиной организации ребята часто кричат: «Не простим!», «Украины и украинцев для нас больше не существует». Но Дуся знает, что это ложь. Даже с чеченцами, которые русским по крови не братья, и по культуре не братья, и по вере не братья, примирились. А уж украинцев не просто простят, а снова сольются две славянские реки в одну и будут крепче, чем прежде. Но, конечно, Украинскую войну никто не забудет. Эту подлую, эту искусственно созданную войну. И памятники героям – вовсе не тем, которым «слава», – будут стоять по всей территории южного предела России, именуемого ныне окраиной.

Раздался телефонный звонок.

– К тебе приходили? – спросила Наталья, руководитель танцевального ансамбля «Павушки». – У меня только что были. Меня всю трясёт...

– Не дрейфь, мы ничего такого не делаем, – стала её утешать Евдокия. – Нам нечего бояться. Ты на вопросы отвечала?

И час они обсуждали, кто и что сказал, да как. Наталью спрашивали про то же самое – зачем ездила в Россию, с кем встречалась, видела ли лично Путина (этот вопрос её поразил в самое сердце, заодно насмешив) и шлёт ли туда деньги. Она тут же пожаловалась, что денег у неё и для себя нет, не то что для России, что в её ансамбле все «павушки» сами шьют себе русские наряды, скинулись на покупку аппаратуры, за концерты им никто не платит, и пляшут они просто для души, а работают кто

кем – кассиром, секретаршей, воспитателем и так далее. Наталья даже потребовала от полицейских поспособствовать в получении гранта. «А то всякие русофобы берут у Канады деньги на развитие русской культуры, а сами на эти гранты выпускают полные лжи газеты и отдыхают в Доминикане!»

– Короче, ты вставила стражам порядка пистон, – нервно хохотала Дуся.

– А чё? – храбрилась Наталья. – Пусть знают, как мы тут живём. Ишь ты, деньги мы в Россию посылаем! Какие такие деньги, когда в Канаде второй раз кризис? Я им всё сказала, цифры привела. Упрекнула безработицей в Альберте...

Дуся хохотала, но внутренне восхищалась. Бабоньки ей в организацию достались неопикуемой внутренней силы и красоты. Уехавшие в девяностые за границу славянки – кто замуж, кто просто подзаработать, да оставшиеся там (родили детей от местных жителей, и дверка в Россию захлопнулась), не будучи артистками, из любви к Родине и желания ей подсобить, в эмиграции вдруг запели народные песни, да заплясали, да пооткрывали театры и школы обучения русскому языку, и всё это делали на голом энтузиазме, по вечерам и выходным, днём работая во вполне земных организациях и уставая, так как не девочки уже...

В переломные для русской общины 2014–2015 годы они по ночам рисовали антивоенные плакаты – чтобы утром выйти с ними на демонстрацию, они шили стометровые Георгиевские ленты, пекли сотни блинов на Масленицу (пропаганда русской культуры – идём к сердцам через желудки), наклеивали на доски с палочками портреты фронтовиков и шли колоннами, демонстрируя всем, что была такая славная Победа, и к ней причастны именно русские...

Эти бабоньки вдвухали в уши своим иностранным мужьям, как велика их, русских женщин, далёкая снежная Родина, как справедлива, как непобедима и как чиста... В ней, – кричали в уши этих самых мужей бабоньки, – женятся мужчины и женщины, в ней в церквях не проводят собачьих свадеб, в ней в школах нет гей-клубов...

В эти годы Евдокия отчётливо увидела, КТО писал в тридцатые годы доносы и КТО был партизаном в Великую Отечественную. Доносы писали те же самые, что и сейчас пишут. Просто изменились формулировки. Тогда доносчики выставляли себя коммунистами, а оппонентов – контрой. Сейчас эта же самая публика, сменившая самоназвание с большевиков на демократов, точно так же клеймит всех, кто ей сопротивляется, выставляя их уже русскими националистами и исламскими террористами. Это новое название для контры. В семьях доносчиков писали деды, отцы, и теперь пишет третье-четвертое поколение. Традиция. Причём они же одновременно, второй рукой, пишут статьи в газеты, обличая Сталина и уличая народ России в том, что вот именно он весь и является доносчиком, и сам себя высек. Потому что завистник, раб и пьяница. А сами они-де с боку припёка, интеллихенция высочайшей души и необыкновенного интеллекта.

А партизанами во Вторую мировую были вот такие Дуси и Натальи. Плюс Тамары Ратьевы. Это ещё одна активистка русской общины. Евдокия позвонила ей, и та сказала, что к ней пока не приходили.

– Да пусть приходят! Делов-то! Я им скажу, что мы никакие не террористы и не агенты Кремля, а просто люди, которые любят свою Родину. И когда мы иммигрировали в Канаду, нам не предлагали от России отречься, и все, кто здесь живёт – украинцы, итальянцы, китайцы, арабы, – любят свою родину и помогают ей, а почему нам нельзя?

Тамаре шестьдесят два года, и она – настоящая русская красавица. Правильные черты лица, умные и всё понимающие синие глаза, ржаные длинные волосы забраны в низкую «шишку», на плечах обычно оренбургский платок. Выражение лица – спокойно-сердечное. На Тамару хочется смотреть и смотреть, хоть и немолода. Евдокия, глядя на Ратьеву, всегда думает, что вот если женщина была красива в молодости, то и в старости это видно. А то некоторые бьют себя в грудь, будто в юности были красавицами, а следа не найдёшь.

Ратьева прожила в Канаде двадцать лет. Русская эмигрантка с Украины. Уехала оттуда, когда в Незалежной начались антирусские закидоны. Преподавала в университете, писала научную работу, и вдруг сказали, что работу нужно писать по-английски, а преподавать – на украинском. Тамара знала оба этих языка, но ей не обосновали, отчего нужно позабыть русский язык. И она отказалась участвовать в «балагане», как она назвала новшества.

– Всё, что случилось в 2014-м на Украине, родилось не в одночасье, – рассказывала она Дусе. – Помню, был у нас в университете приятный парень лет тридцати. Я с ним почти дружила. И каким же обухом по голове было, когда он сказал: «Я бы москалей перестрелял всех, если бы у меня ружьё было». А ещё старушка у нас одна преподавала, я её очень уважала, в гости к ней ходила, и тоже из

неё в годы «обретения независимости» полезло. Она сказала, что русские хороши, когда лежат на три метра в земле... Российского гражданства у меня не было, у нас многие тогда подавали документы на эмиграцию в Канаду и довольно быстро получали желаемое. Я тоже подала. Невсерьёз даже, а так... вдруг дадут, и поеду, заработаю... А мне взяли да и прислали вид на жительство.

В общине она слывёт неустрашимой. Всегда идёт впереди всех демонстраций, и ни очки не надевает, ни плакатом не загораживается. Весь вид её – Родина-мать. Её любят все, и она любит всех. Причём и на работе в канадской компании, где она дослужилась до менеджера, её тоже любили. Честный человек всякому приятен – он даёт надежду, что мир спасётся. Сейчас вышла на пенсию и недавно съездила в паломническую поездку на Валаам. Рассказывала на собрании «Союза русских эмигрантов Канады» о своём вояже:

– Там всюду идёт строительство, мостят тротуары, новые храмы открывают... Буквально на каждом шагу храмы... Везли нас на туристическом автобусе, остановились в какой-то глуши в туалет сходить, так туалет – такого в Европе не найдёшь. Плитка блестит, краны диковинные – с цветной подсветкой... По городу идёшь – красота несказанная: и дома красивые, и цветы кругом развешаны в корзинах, на земле ни окурка, ни бумажки... Поднимается Россия, не сломили её окаянные!

Эмигранты слушали, кивали. Все ездят и видят, как меняется страна. Кому-то в России не видно, а издалека всё замечаешь, самую даже малость: водители стали пешеходов пропускать, на улицах и в общественном транспорте нет былого хамства, в ресторанах расторопно и вежливо обслуживают, детишки идут хорошо одетые, подтянутые, в парках установлены тренажёры для того, чтобы народ спортом занимался, и вокруг них молодёжь вьётся. А в театрах что творится? Аншлаг, причём много там молодых зрителей – девчонки пришли стайками, на высоких каблуках, парни в классических костюмах. Радовались души эмигрантские и плакали от счастья видеть Родину восставшей из пепла. А русофобы шипели со страниц Фейсбука и эмигрантских газет: «Вы – крысы, сбежавшие с корабля», и кричали: «Чемодан-вокзал-Россия», но если поначалу это оскорбляло любящую Родину волну – эмиграцию девяностых годов, то потом на шипение перестали обращать внимание. Слали гуманитарку в Россию, орали за неё на всех углах и клали с прицепом на то, кто что по этому поводу думает.

Евдокия всё же, узрев однажды на одном из русских пикников священника, отвела его в сторонку и спросила наболевшее:

– Грех это – что мы Россию покинули, или нет? Что вы скажете? Мы же тогда, когда уезжали, ничем ей помочь не могли. Нам зарплату не платили, жить не на что было, а криминал какой был – моему мужу угрожали сына похитить, если не поделится с рэкетом. Мы спасались, но ни разу свою страну не охаяли за границей и всем рты затыкали, кто из предыдущих волн эмиграции пытался её охаять... Мы ни разу не предали, а ироды эти прут на нас, щиплют, попрекая. Правы они?

Батюшка ответил не сразу, а подумал, сахар в чай положил, размешал и тихо, но уверенно сказал: – Господь дал людям дом. А самым сильным дал посох. И сказал: «Свидетельствуйте!» И пошли апостолы по миру свидетельствовать... Если бы они не разбрелись по Земле, как бы люди узнали Слово Божие? Вот и вы... Как апостолы... Вы же свидетельствуете?

– Ещё как! – вспыхнула Евдокия. – Беспременно.

– Вот и свидетельствуйте. И ни о чём не беспокойтесь. Не бойтесь ничего. Бог боязливых не любит.

...Сейчас, после визита Королевской Конной, Евдокия вспомнила эти слова. «Бог боязливых не любит», – повторила про себя, и вдруг стало на душе светло и радостно.

И что её бояться, эту полицию? Сейчас вот прошлись по русским активистам, убедились, что это просто люди – с семьями, с работой, с ипотечными выплатами, а никакие не террористы, и посрамлены будут доносчики. И никто им больше не поверит. А вызовут в полицию, так отчего не сходить, не прочитать там курс всемирной истории? В Канаде в школах историю учат всё больше свою, а всемирную почти не изучают. И результат налицо. Однажды Дуся ходила в кинотеатр смотреть фильм «Мария-Антуанетта». Картина заканчивалась сценой ареста короля и королевы. После этого были титры, и зажгётся свет. Дуся услышала сзади разочарованное восклицание на английском: «Ну и что это за конец? А что с ними дальше-то?»

Так вот, отчего не пойти в полицию, не продемонстрировать свой новый костюм, страшно дорогой и купленный в ГУМе (всё же стыдно было за свой неприбранный вид), и не рассказать хотя бы историю появления Крыма в составе Российской империи?

Но никакого письма с приглашением на допрос она так и не получила.